

ВИЗАНТИЯ между Западом и Востоком

Опыт
исторической
характеристики

Ответственный редактор:
академик Г. Г. Литаврин

Рецензенты: д. и. н. А. Е. Семенова
д. и. н. Е. С. Голубцова

Издание второе

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2001

ББК ТЗ(0)44

УДК 949.5

Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. — СПб.: Алетейя, 2001. — 544 с. — (Византийская библиотека. Исследования).

ISBN 5-89329-068-2

Данная книга представляет собой впервые предпринятую в российском византиноведении попытку осветить коллективными усилиями ряд аспектов одной из наиболее сложных и актуальных проблем мировой историографии — вопрос о месте Византийской империи во всемирно-историческом процессе.

Для историков и филологов и для самых широких кругов читателей, интересующихся вопросами истории и культурологии.

Редколлегия сборника:

академик РАН Г. Г. Литаврин (ответственный редактор)
кандидат ист. наук Э. Г. Самодурова (ответственный секретарь)
доктор ист. наук В. И. Уколова
доктор ист. наук Б. Н. Флоря
доктор ист. наук Б. Л. Фонкич
доктор ист. наук А. А. Чекалова
член-корреспондент РАН Я. Н. Шапов

На форзацах:

слева — Христос. Вторая четверть XII века. Собор Св. Софии, Константинополь. Мозаика в южной галерее;

справа — Богоматерь. Вторая четверть XII века. Собор Св. Софии, Константинополь. Мозаика в южной галерее.

ISBN 5-89329-068-2

9 785893 290684

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2001 г.

© Институт всеобщей истории РАН, коллектив авторов, 1999 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Византия между Востоком и Западом» — поистине вечная тема в исторической науке, и такой она, видимо, останется надолго, так как ставит перед исследователями одну из сложнейших проблем медиевистики — проблему исторической роли Византийской империи в средневековой истории Европы и стран Ближнего Востока. Работы, посвященные этой теме, появляются в мировой историографии практически ежегодно.¹ Оправдана поэтому еще одна попытка (на этот раз византинистов России) внести свой вклад в рассмотрение ряда сторон проблемы, для адекватного решения которой потребуются, может быть, усилия не одного поколения ученых.

Огромная империя, расположенная на границе между Европой и Азией, в течение по крайней мере семи столетий (с VI до начала XIII) играла важную, порой ведущую роль в экономической, политической и культурной жизни народов средневековой Европы и стран Ближнего Востока. От позиции империи, ее побед или поражений зависели судьбы многих народов, как ближних, так и дальних. Союзы с императорами искали почти все христианские государи и мусульманские правители. Товары и изделия из Византии пользовались повышенным спросом на рынках всего цивилизованного мира. Духовное влияние империи простиралось от Балтийского моря до Красного, от Сирии и Армении до Атлантики.

Обычно проблема «Византия между Востоком и Западом» рассматривалась и рассматривается либо в аспекте типологии социаль-

¹ La notion de l'autorité en Moyen Ages: Islam, Byzance, Occident. Colloques internationaux de la Napoule. Oct. 1978. Paris, 1982; La notion de la liberté au Moyen Ages: Islam, Byzance, Occident. Penn-Paris-Dumbarton Oaks Colloquia. Oct. 1982. Paris, 1985; Byzantium. A World Civilization, ed. by A. Laiou and H. Meguire. Washington, 1992; Byzantium and the West c. 850 — c. 1200. Proceedings of the XVIII Spring Symposium of Byzantine Studies, ed. by J. D. Howard-Johnston. Amsterdam, 1988; Byzantine Diplomacy, ed. by S. Shepard and S. Franklin. Verona, 1992; Byzance et ses voisins. Mélanges à la mémoire de Gy. Moravcsik. Szeged. 1994. Ряд существенных аспектов трактуемой в данной книге проблемы нашел отражение в докладах и сообщениях на последнем (XIX) Международном конгрессе византиноведческих исследований, состоявшемся в Копенгагене: Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18—24 August, 1996. Major Papers. Copenhagen, 1996; Ibidem. Abstracts of Communications. Copenhagen, 1996.

ной структуры и государственной системы основных стран Европы и Ближнего Востока, либо в аспекте конфессионального противостояния христианского и мусульманского миров, либо, наконец, в аспекте культурного взаимодействия с Западом и Востоком восточнохристианской империи, оказавшейся в эпицентре важнейших коммуникаций средневековья и служившей одновременно и барьером и мостом между двумя цивилизациями, доминировавшими в Европе и на Ближнем Востоке в то время.

Главное внимание в науке уделяется при этом последнему из названных аспектов (нередко объединяемому со вторым). Именно его изучение позволяет особенно ярко и убедительно уяснить всемирно-историческое значение Византии в современном ей мире — она не только «наделяла» своими культурными достижениями иноземцев, но и являлась для многих из них наставницей, давшей им представление о совершенстве (идеале), а вместе с тем — и о критериях, ориентация на которые необходима при создании шедевров своими собственными творческими усилиями.

Однако не столь давно российские византилисты, учитывая опыт современной мировой историографии для написании очерков византийской культуры,² убедились в том, сколь много еще остается невыясненного как в процессах становления самой византийской культуры, так и в конкретных проявлениях ее взаимодействия с культурами других народов.³

В частности, нет еще убедительного решения очевидного исторического парадокса, касающегося путей формирования византийской культуры и ее главных особенностей. С одной стороны, именно Византия сравнительно с другими странами Европы и Ближнего Востока исторически сложилась как самое полиэтничное государство. Кроме того, ни одна другая страна Европы не была в VI–XII вв. местом столь частой и интенсивной иммиграции, каким была империя: из века в век в ее пределы вливались и с Востока и с Запада мелкие и крупные иноэтничные контингенты, приносившие с собою элементы собственной самобытной культуры. И напротив, исключая эпоху иконоборчества и последнее столетие существования империи (когда,

² Культура Византии. IV–первая половина VII в. М., 1984; Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989; Культура Византии. XIII–первая половина XV в. М., 1991.

³ См.: Культура Византии. IV–первая половина VII в. С. 5–13, 668–684; Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. С. 5–10, 617–635; Культура Византии. XIII–первая половина XV в. С. 5–10, 585–607.

избегая репрессий на конфессиональной почве, империю покинула часть ее подданных), нет примеров эмиграции за ее пределы сколько-нибудь значительных групп ее жителей. В соответствии с этим именно византийскую культуру (до XII в. наиболее развитую среди всех европейских культур) следует рассматривать в значительно большей мере, чем любую другую, ей современную, как результат творчества многих народов, а не одних политически и этнически доминировавших в империи греков.⁴ Изначально открытая к усвоению иноземных культурных феноменов, сама культура Византии оформлялась как сложный синтез христианства с богатейшим языческим полиэтническим наследием не только классической античной, но и других древнейших цивилизаций Восточного Средиземноморья.

С другой стороны, иноплеменники (негреки), как являвшиеся с рождения полноправными подданными императора, так и иммигранты, обретавшие этот статус постепенно, проникались — и путями, еще не совсем изведенными, — главными ценностями византийской цивилизации как всеобщим культурным достоянием всего населения Византии. Ее культура стала к IX в. по преимуществу грекоязычной и сравнительно более однородной среди других средневековых культур Европы.

Естественно поэтому, что подавляющее большинство авторов данной книги концентрируют в своих очерках внимание (в рамках общей темы) именно на проблемах культурных взаимосвязей империи, которые рассматриваются при этом как обоюдосторонний процесс: Византия не только влияла на культуры других стран и народов — она сама испытывала ответное культурное влияние.

Однако историческая роль Византии отнюдь не ограничивалась, как уже было замечено, ее вкладом в процесс становления и развития европейской и ближневосточной цивилизации. Взаимодействие империи «ромеев» с окружающим миром налагало существенный отпечаток не только на культурную, но и на экономическую, политическую, социальную и общественную жизнь обеих сторон. Поэтому ряд авторов предлагаемого на суд читателя труда (по крайней мере семеро из двадцати) включили и эти вопросы в круг аспектов, требующих изучения в рамках поставленной проблемы.

Итак, новое в подходе к поднятой в труде проблеме сравнительно с существующими работами состоит в том, что в нем поставлена цель выявить и интерпретировать по возможности исчерпывающим обра-

⁴ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500–1453. London, 1971. P. 278 sq., 315.*

зом весь наличный материал письменных источников, имеющих отношение к самым разным аспектам взаимодействия империи с современным ей миром на протяжении одиннадцати столетий. Задача такого рода в указанном масштабе ставилась в мировой историографии только в плане внешнеполитических отношений Византии с окружающими ее странами и народами. 15 лет назад, во время работы над трехтомной «Культурой Византии», отечественные византинисты предусматривали возможность создания такого труда в качестве 4-го тома, но по не зависящим от авторов причинам проект не был осуществлен. В данном труде российские византинисты приступают к реализации этого замысла, рассматривая свой труд в качестве первого этапа предстоящих исследований.

В связи с этим необходимо обратить внимание читателя на три особенности данного сборника. Во-первых, его композиция лишена той соразмерности, которую следовало бы соблюдать в труде на избранную тему. Дело в том, что при разработке проекта труда предусматривалось включение в него ряда очерков, посвященных специально вопросам взаимоотношений империи со странами восточнохристианского круга, которые обычно обозначаются в историографии термином, введенным в науку Д. Оболенским, — «Византийское сообщество государств». В частности, к этому аспекту проблемы принадлежат очерки М. В. Бибикова, В. А. Арутюновой-Фиданян, отчасти — З. Г. Самодуровой и С. А. Иванова. К сожалению, ряд авторов, обещавших рассмотреть связи империи с христианскими странами Восточной и Юго-Восточной Европы, по разным, чисто субъективным причинам не успели выполнить свои обещания.

Именно поэтому я позволил себе в своем очерке о геополитическом положении Византии остановиться специально более подробно на отношениях империи с Болгарией и Русью и на вопросе об условиях формирования и функциональной роли «Византийского сообщества».

Имеется в композиции данного труда и другой существенный, на мой взгляд, недостаток. Было бы естественным, наряду с крупным разделом о византийско-славянских отношениях, обеспечить в труде преобладание материалов, посвященных связям империи с народами и странами Востока, так как Византийская империя в ходе всей своей многовековой истории была теснее, чем с Западом, связана мирными и враждебными контактами именно с Востоком. К сожалению, раздел об отношениях Византии с народами Востока значительно уступает первому — о связях с Западом. Причины этого в данном случае объективны: они отражают состояние современного российского византиноведения — восточное направление внешнеполитических

связей империи долго не пользовалось должным вниманием в российской византистике и стало возрождаться лишь в самые последние годы. Поэтому такая обширная и важная тема, как византийско-арабские отношения, насчитывающие почти полутысячелетие, представлена в труде лишь кратким очерком крупного российского арабиста О. Г. Большакова, доведшего свое повествование до X в. К сожалению, остался не реализованным замысел об отношениях империи с Кордовским халифатом и с Фатимидами Египта, как и последствия длительных контактов и конфронтации подданных империи с арабами на Сицилии и в Южной Италии.

Во-вторых, авторы, опираясь на сохранившиеся от данного региона и данной эпохи источники, не считали возможным подчинить свои поиски некоей общей для всех структуре, с обязательным для всех освещением определенной группы вопросов. Они сами отбирали те аспекты, которые представлялось возможным осветить на имеющемся у каждого материале. Поэтому и композиция труда была определена лишь после того, как работа была завершена. В целом составляющие труд очерки разделены на две части. В первой освещаются отношения Византии со странами и народами Запада (очерки А. А. Чекаловой, В. И. Уколовой — О. Р. Бородина, А. В. Бармина, З. Г. Самодуровой, М. В. Бибикова, П. И. Жаворонкова, С. П. Карпова, В. Г. Ченцовой, Е. М. Ломизе, Б. Л. Фонкича, И. П. Медведева, С. А. Иванова). Второй раздел посвящен отношениям империи с народами Востока (очерки О. Г. Большакова, В. А. Арутюновой-Фиданян, Р. М. Шукурова, Д. А. Коробейникова, С. Ф. Орешковой). Внутри каждого из двух разделов очерки расположены по преимуществу в хронологическом (отчасти — тематическом) порядке. Наконец, два очерка (Г. Г. Литаврина и О. В. Ивановой) — о геополитическом положении Византии и об этнической ситуации в ее пределах в центральный период истории империи — помещены в качестве вступительных статей ко всему труду, так как в них идет речь об условиях, в которых совершались контакты Византии с окружающим миром, и об этнокультурной политике ее властей в отношении своих иноплеменных подданных.

Разумеется, предлагаемое расположение очерков в труде в небольшой степени условно: авторы ряда очерков рассматривают взаимоотношения империи с народами и Запада и Востока (А. А. Чекалова, С. А. Иванов, П. И. Жаворонков). Их очерки включены в первый раздел только ввиду преобладания соответствующего («западного») материала. К первому разделу отнесен (также в известной мере условно) и очерк М. В. Бибикова, затрагивающий главным образом связи со странами славянского мира, поскольку эти страны являются, как и государства Запада, христианскими.

В-третьих, ни авторы, ни редколлегия не считали необходимым на данном этапе разработки темы ставить перед собой цель создания некоей общей концепции по изучаемой проблеме. Они рассматривают свой труд как предварительный, претендующий не столько на решение проблемы, сколько на определение путей ее дальнейшего изучения. В качестве предварительной следует расценивать и нашу попытку осмысления ряда содержащихся в труде выводов и наблюдений.

Авторы отдают себе полный отчет в том, что предпринятая в данном труде попытка по-новому рассмотреть и отчасти пересмотреть множество частных и крупных вопросов многоаспектной и безбрежно широкой проблемы не может не вызвать весьма критических и, возможно, взаимоисключающих оценок. Надеемся, что они будут конструктивными и позволят авторам более четко определить свои задачи на следующих этапах исследования.

Пользуюсь возможностью выразить благодарность от имени всех коллег за научно-организационную работу по подготовке труда к печати З. Г. Самодуровой, М. И. Леньшиной и Т. В. Блаватской.

Г. Г. Литаврин